

РУССКИЙ ЯЗЫК КАК СРЕДСТВО АККУЛЬТУРАЦИИ: РАЗВИТИЕ РУССКО-ИНОРОДЧЕСКИХ ШКОЛ В ОРЕНБУРГСКОМ КРАЕ В СЕРЕДИНЕ XIX ВЕКА

© 2018

Любичанковский Сергей Валентинович, доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой истории России

Оренбургский государственный педагогический университет (г. Оренбург, Российская Федерация)

Аннотация. В статье проанализированы основные тенденции развития так называемых «русско-иностранческих» школ в Оренбургском крае в середине XIX века. Показано, что в Оренбургском крае в начале 1860-х гг. действовало пять начальных русско-киргизских школ. Привлеченный к анализу оренбургский архивный материал показал, что вплоть до введения в действие «Правил» 1870 года в Российской империи не существовало продуманной политики и системы по вопросам образования в иностранческой среде. В статье сделан вывод о том, что администрация края задолго до указанных «Правил» инициировала создание школ для «иностранцев» с обязательным изучением русского языка. Это было особенностью Оренбургского края, связанной с его окраинным и пограничным положением. Доказано, что возникшие на территории Оренбургского края учебные заведения для «иностранцев» были вызваны к жизни потребностями региональной администрации в переводчиках и низших служащих. Сделан вывод о том, что для региональной администрации чрезвычайно важной была проблема противодействия «татаризации» (смене идентичности казахских жителей Оренбургской губернии на татарскую). Кроме того, пограничные власти нуждались в казаках, знавших русскую грамоту, поскольку были заинтересованы в налаживании стабильной коммуникации с жителями степи. Доказано, что относительно Оренбургского края можно говорить о системном, продуманном курсе на создание системы обучения для «иностранцев» только начиная с 1870-х гг.

Ключевые слова: Оренбургский край; Российская империя; Казахская степь; Средняя Азия; Центральная Азия; аккультурация; русский язык; иностранцы; русско-иностранческие школы; региональная администрация; татары; Урал; Поволжье; национальная политика.

Россия, в силу ее многонационального и поликонфессионального характера, всегда нуждалась в консолидации населения для обеспечения своего единства и безопасности. Особое внимание было приковано к мусульманскому и языческому населению Поволжья и Урала (об этом подробнее см. [1–4]). Начиная со второй половины XVIII в. и имперское правительство, и Русская православная церковь выдвигали проекты, направленные на достижение ожидаемого единства.

На первых порах предполагалось справиться с задачей посредством новокрещенских школ. Зачинателем проекта был архиепископ Иларион Рогалевский, который предложил создать в Казанской епархии четыре школы для обучения детей так называемых «иностранцев». Указ от 26 февраля 1735 г. разрешил открыть школы в Казани, Елабуге, Цивильске и Царевкокшайске [5, с. 102]. Попытка «закрутить гайки» путем допуска в школы детей «новокрещенных» привела к праху проекта.

В начале XIX в. Святейший Синод выдвинул положение о возможности обучения иностранцев посредством приходских училищ. В 1804 г. Св. Синод издал следующее указание:

«В селениях, обратившихся в православную веру греко-римского исповедования, как-то: корел, черемис, мордвы, вотяков, татар, чуваш и прочих, коих дети по-русски не понимают, – учить священноцерковнослужителям в школах и в церквях наставление производить на их природном языке, дотоле, доколе все их прихожане от мала до велика разуметь будут совершенно российский язык, а для преподавания такого учения и можно будет употребить на первый случай назначенные Св. Синодом к изданию в печать книги на русском языке с переводом на упомянутые, содержащие в себе церковные молитвы,

символ веры, десятисловие и катехизис; таковые книги для сих обращенных в веру греческого исповедания народов могут послужить к лучшему разумению их и понятию о богопочитании и истинном познании святости христианской веры. И для того в те села во все священнослужительские чины, открываться имеющие, производить или из семинарий тамошних уроженцев, знающих непременно употребляемый там язык, или самих жителей, обучая последних первым действиям арифметики в семинарии» [6, с. 320–321]. Но и этот проект не стал удачным.

Первые попытки приобщить мусульман к русской культуре посредством обучения русскому языку в Оренбургском крае связаны с именем В.Н. Татищева и Л.Я. Соймонова (Л.Я. Соймонов – генерал-лейтенант, начальник комиссии башкирских дел, в 1741–1742 гг. – начальник Оренбургской комиссии). Эти выдающиеся администраторы стояли у истоков Уфимской школы «для обучения иностранцев русскому языку» и «познания закона христианского и законов гражданских». Одновременно оговаривалось «тех учеников не брать силою и не принуждать и учителям с ними поступать ласково, и в толковании христианского закона поступать весьма осторожно» [7, с. 287]. Школа была открыта в 1738 г. и содержалась на государственные средства.

В эпоху Александра I были предприняты попытки перенаправить иностранческое образование в систему сельских приходских училищ с опорой на родной язык учеников. Но с мусульманами этот проект не сработал.

И всё же особенностью Оренбургского края можно считать то, что администрация края задолго до указанных «Правил» инициировала создание школ для иностранцев с обязательным изучением русского

языка. Причиной тому на первых порах было отнюдь не стремление донести до инородцев «свет просвещения», а вполне прагматичные задачи. Окраинной губернии требовались служащие из инородцев, которые могли бы выполнить роль посредников между Степью и Империей.

Поскольку системы начального образования не было, то профессиональное пришлось обустроить так, чтобы решить комплексные проблемы. Если вспомнить историю, то такую же картину можно было наблюдать в Петровскую эпоху – шляхетский корпус, цифирная школа и др.

В августе 1850 г. при Оренбургской пограничной комиссии начала работать «школа для киргизских детей». Целью было определено «распространение между киргизами русского языка и некоторой грамоты» вместе с «приготовлением способных людей к занятиям по пограничному управлению мест писмоводителей при султанах-правителях» [8]. Набор определился в 30 человек, это были дети от 8-ми до 12 лет «из одних киргиз, преимущественно из тех, чьи родители оказали услуги правительству» [8, с. 4]. Обучение длилось семь лет. Два года обучались в нижнем, два в среднем и верхнем классах, заключительный был однолетний практический класс. В школе изучались следующие предметы: русский и татарский языки, чистописание, арифметика, магометанский закон, ведение следствия и составление деловых бумаг на русском и татарском языках. Были уроки гимнастики. В 1859 г. к перечисленным предметам прибавились математика, геометрия, всеобщая и русская география. Практический класс давал навыки кровопускания, оспопрививания, а также основы ветеринарии.

Киргизская школа дала выдающихся выпускников, таких как Ибрай Алтынсарии и Исмагил Хисамутдинов. Они показали такие успехи, что были произведены в «старших воспитанников», а затем встали у начала создания русско-инородческих школ. Конкурентом данной школы был Неплюевский кадетский корпус. Постоянное сравнение успехов казахов в одном и другом учебных заведениях было не в пользу киргизской школы. От неё ждали большего. В 1857–1851 гг. из стен школы вышло 22 воспитанника, но, по словам современника, не все оказались полезными для общества: семь человек «без особых причин остались без должности», один показал «дурное поведение, один был помещен под стражу из-за кражи лошадей, три человека стали переводчиками при укреплениях, пять – начальниками дистанций. Трое – остались работать при киргизских школах в степи. Среди выпускников один стал фельдшером, один служил при канцелярии генерал-губернатора» [9, с. 47].

Киргизская школа функционировала 19 лет. Воспитала и обучила 48 человек [10, с. 23]. Казахские школы при Пограничной комиссии были закрыты в 1868 г. по распоряжению Александра II. Ученики были переведены в особый пансион Оренбургской гимназии для продолжения учебы в подготовительном классе. Это решение вызвало массу споров. Так, например Н.И. Ильминский, хорошо знавший проблемы казахской школы, поскольку сам служил при Оренбургской пограничной комиссии чиновником особых поручений на протяжении определенного

времени, разъезжал по степи, был знаком с бытом казахов, считал, что вместо того, чтобы предоставить казахам путь в гимназию, а затем в университет, нужно организовать доступные, дешевые школы в Степи. Там обучать детей казахскому языку, в гимназиях же построить курс обучения с упором на русский язык, историю, географию, математику и физику [10, с. 36].

Дети казахов Башкиро-мишарского войска могли обучаться в гимназии при Казанском университете и в самом университете, в Оренбургском Неплюевском кадетском корпусе, в фельдшерской школе при Оренбургском военном госпитале, при Оренбургском батальоне военных кантонистов и в чертежной Генерального штаба при Отдельном Оренбургском корпусе [11, с. 86].

Начиная с конца 1850-х гг. стали открываться кантонные школы, которые работали довольно успешно. Их выпускники башкиры при выпуске из школы данного типа хорошо говорили, читали и писали по-русски, продолжали учебу в приходских училищах Оренбурга, Челябинска, Троицка. Но и там складывалось не все гладко. Так, ревизия, состоявшаяся в 1868 г., показала, что в Оренбурге в уездном училище обучалось 22 башкира, в первом приходском – 8, во втором – 16. Проживали учащиеся в Караван-сараях «в тесноте и плохих условиях» [12, л. 1–7].

Параллельно с инициативами губернаторской администрации сами общества пошли на создание русско-башкирских деревенских школ. Учителями приглашали русских писарей и отставных чиновников. Это были скорее элементарные начальные школы. На территории Оренбургской губернии в 1860-х гг. было 11 школ данного типа с 165 учениками [12, л. 7].

В 1866 г. генерал-губернатор Н.А. Крыжановский внес изменение в систему начального обучения башкир. Цель была поставлена следующая: русско-башкирские школы должны способствовать распространению в сельском населении русской грамоты и приучению молодого населения к порядку, труду и оседлой жизни, школы «не должны быть ступенью в какое-нибудь другое учебное заведение, с окончания их башкиры должны возвращаться к своему природному быту» [13, л. 45].

Мнение генерал-губернатора легло в основу специального проекта. Проект выдвигал идею о создании четырехлетних русско-башкирских школ, в которых обучалось бы по 25–40 учеников. Школа должна иметь не менее трех учителей: учитель русского языка русского происхождения, его помощник – башкира, знающего русскую грамоту. Третьим учителем выступал деревенский мулла. В школе могли учиться не только башкиры, но и русские. Программа обучения включала в себя изучение ремесел, основ хозяйственной деятельности, связанной с уходом за скотом, с огородничеством. Следить за обучением должны были мировые посредники. В 1866 г. Оренбургское губернаторское правление рассмотрело проект, генерал-губернатор утвердил его в октябре того же года [13, л. 28].

Оренбургская администрация продумывала вопрос образования киргизов (казахов). Председатель Пограничной комиссии В.В. Григорьев выступил в

1858 г. с инициативой создания русско-киргизских школ при степных укреплениях [9, с. 59].

В.В. Григорьев видел образ будущей школы как четырехлетней, с преподаванием чтения и письма на русском и казахском языках, с объяснением грамматики и арифметики. Школа должна финансироваться из сумм кибиточного сбора кочующих казахов. Дети должны обучаться в школе добровольно, принимать можно и взрослых, предпочтение отдавать детям тех, кто служит при Степном управлении.

Данные предложения получили одобрение не только у Оренбургского губернатора, но и у Александра II. Было принято решение устроить четыре подобных школы – в Оренбургском укреплении, в Уфимском, две на Сырдарье и в Перовском укреплении.

В Оренбургском укреплении школа под руководством И. Алтынсарина заработала в 1860 г. Первыми учениками стали 10 русских учеников (три из них девочки) и семь казахских детей [9, с. 65].

Большую нужду в подобных школах испытывал Троицк. Там было велико влияние татарских мулл на казахов. И вновь благодаря инициативе известного нам В.В. Григорьева дело не спустило на тормозах. Обратившись с ходатайством к А.П. Безаку, В.В. Григорьев инициировал отношение в Министерстве внутренних дел и уже летом 1861 г. Александр II подписал разрешение на создание школы в Троицке. 1 сентября того же года школа собрала 26 учеников-казахов. Программа не изменилась, магометанское вероучение не превалировало – было четко указано: «школа выпускает не мулл», объем «магометанского закона» был такой же, как и объем закона Божьего в приходских училищах.

Во второй половине XIX в. появились новые риски, заставившие имперское правительство обратиться к «магометанскому вопросу». Это – массовые акты вероотступничества ранее крещеных инородцев и переход их в мусульманство. Проблему пытались решить силовыми методами – арестами, высылками, запретами на мусульманские обряды. Однако результатов это не дало. Тогда стали разрабатывать другую тактику, в том числе и создание единого образовательного пространства с государственным русским языком.

Инициатором разработки указанного курса стал министр народного просвещения граф Д.А. Толстой. Под руководством министра начались активные поиски мер к образованию тех, кого причисляли к инородцам. Проведя целый ряд совещаний, руководство выработало такие меры, причем они отличались принципиально новым подходом. Во главу угла была поставлена система видного востоковеда, миссионера и педагога Н.И. Ильминского. Суть системы состояла в том, чтобы обучение в начальной школе шло на родном языке учащихся. На том же языке должны были знакомить с основами правописания, толковать Священное писание, обучать основам богослужения.

Сам Д.А. Толстой так сформулировал цель: «Конечной целью образования всех инородцев, живущих в пределах нашего Отечества, бесспорно, должно быть обрусение и их слияние с русским народом» (цит. по: [14, с. 112]).

Окончательное закрепление эта концепция получила в «Положении о начальных народных училищах», вышедшем 14 июня 1864 г. [15]. В «Положении» декларировалось право на образование всех граждан без различия сословий, вероисповедания и пола.

26 марта 1870 г. утверждаются «Правила о мерах к образованию населяющих Россию инородцев» [16]. «Правила» ввели в жизнь новый тип начальной школы для нерусского населения империи – русско-инородческие школы с русским языком преподавания.

Активное исполнение «Правил» стало возможным в нашем регионе только после того, как в 1874 г. из Казанского учебного округа вычленили Оренбургский учебный округ. При его учреждении подчеркивалась важность разрешения проблемы инородческой школы. Попечитель Оренбургского учебного округа давал следующее объяснение: «Главным основанием для учреждения нового учебного округа послужили необходимость приведения разнородных элементов в единение общих интересов с государственной властью и господствующим народом, а также установление правительственного контроля в деле устройства новых школ для огромного числа инородцев и правильного ведения посвятительной и воспитательной работы в них» [17, с. 16].

Оренбургский генерал-губернатор Н.А. Крыжановский при встрече с графом Д.А. Толстым, посетившим Оренбург в конце сентября 1876 г., высказал уверенность в том, что «водворяя просвещение во всем нашем Отечестве», большую важность имеет наш край, как окраина империи, так как именно здесь, «на окраинах русского государства и с сопредельных с оренбургским краем новых среднеазиатских владений следом за русским штыком идет русская школа, вносящая свет в непроницаемую доселе тьму невежества и предрассудков» [18, с. 2].

Вернемся к установкам, которые закрепили «Правила о мерах к образованию населяющих Россию инородцев». Они установили четыре подхода к образованию и воспитанию нерусских народов исходя из степени их «обруселости»:

- 1) образование христиан, достаточно обрусевших;
- 2) образование христиан, живущих в смешении с русским населением;
- 3) образование христиан, «весьма мало обрусевших»;
- 4) образование «татар-магометан», к которым относились все нехристианские народы [19, с. 377].

Для детей нерусских христиан и язычников – крещеных татар, мордвы, удмуртов, чувашей – организовывались четырехлетние школы с преподаванием до года на родном языке. Обучение строилось по системе Н.И. Ильминского полностью. Приведем пример с чувашскими школами. В 1870-е гг. в деревне Уралка Оренбургского уезда начала свою работу миссионерская школа для детей-чуваш. Под руководством учителя В. Васильева, выпускника Казанской инородческой школы, чувашские дети помимо основных предметов обучались церковному пению, молитвам и Евангелию на чувашском языке. Выпускники школы Уралки становились во главе подобных школ в чувашских деревнях того же уезда в Кривле-Илюшкиной и Новоселково [20, л. 31].

В поселке Бердяш Орского уезда обучалось 20 мальчиков, в деревне Илюшкиной Оренбургского уезда – 30 детей, в деревне Ново-Амескиной того же уезда – 13 мальчиков [21, л. 68].

Проводя инспекцию русско-чуваших училищ, комиссия отмечала вклад учителя Бердянской школы в дело просвещения чуваш.

Учитель М. Волков сам в свое время окончил Уралкинскую русско-чувашскую школу и преподавал курс настолько плодотворно, что практически все ученики могли хорошо читать, писать и говорить по-русски, давали ответы на вопросы по Закону Божию. Дети привлекались для службы в православном храме, участвовали в церковных праздниках.

В этих и подобных школах младшее отделение обучалось на чувашском языке, а в среднем и старшем вводился русский язык.

Таким образом, на примере русско-чувашских школ можно проследить выполнение принципов, заключенных в «Правилах» 1870 г.:

а) обязательное обучение на «родном наречии»;

б) учитель должен происходить из того же народа и хорошо знать русскую грамоту или быть русским, но владеть «иностранческим наречием» [19, с. 408].

Русско-чувашские, русско-мордовские школы были четырехлетними, первоначальное обучение шло на родном языке. Особое место в учебном курсе данных школ занимало изучение Закона Божия, церковного пения, русского языка. На 1911 г. в Оренбургской губернии действовало 4 русско-чувашских школы.

Русско-мусульманские учебные заведения на территории Оренбургского края были представлены русско-башкирскими, русско-татарскими, русско-киргизскими и «иностранческими школами» Оренбургского казачьего войска. К ним причисляют и русские классы при медресе.

Согласно «Правилам» преподавание Закона Божия в русско-мусульманских школах заменялось исламским вероучением. «Правила...» 1870 г. можно считать первыми и основными законодательными актами в практике распространения светского русского образования среди мусульман внутренней России.

Таким образом, в Оренбургском крае в начале 1860-х гг. действовало пять начальных русско-киргизских школ. Рассмотренный нами материал показывает, что вплоть до «Правил» 1870 г. в Российской империи не было продуманной политики и системы по образованию иностранцев. Это хорошо видно на примере Оренбургского края. Возникшие учебные заведения для иностранцев были вызваны потребностями краевой администрации в переводчиках, мелких служащих. Не менее важной была проблема противодействия «татаризации». Первые ростки давала местная инициатива, как это произошло с открытием деревенских русско-башкирских училищ. Пограничные власти нуждались в казаках, знавших русскую грамоту по многим причинам. В первую очередь это проблемы коммуникационного порядка со Степью. Но только начиная с 1870-х гг. можно говорить о системном, продуманном курсе на создание системы иностранческого обучения.

Список литературы:

1. Любичанковский С.В. Политика аккультурации в условиях разрушения империи: казус волостного земства // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. № 50. С. 31–37.
2. Dmitriev V.V., Lyubichankovskiy S.V. The Southern Periphery of the Russian Empire and a Problem of Colonialism (on materials of National Policy of Russia in Relation to the Crimean Tatars at the end of XVIII – the beginning of the 20th century) // Bylye Gody. 2017. Vol. 45, Is. 3. P. 1010–1024.
3. Dzhundzhuzov S., Lyubichankovskiy S. Kalmyks of Southern Ural in the XVIII – early XX century: Problems of Assimilation, Acculturation and Preservation of Ethnic Identity // Bylye Gody. 2017. Vol. 46, Is. 4. P. 1194–1206.
4. Джунджужов С.В., Любичанковский С.В. Миссионерская деятельность Никодима Ленкеевича в Калмыцком ханстве (1725–1734 годы) // Новый исторический вестник. 2017. № 3. С. 172–191.
5. Сулейманова Ю.Ф. Политика царской администрации в сфере просвещения мусульман Оренбургской губернии в XVIII–XIX вв.: цели и результаты // Вестник Оренбургского государственного университета. 2011. № 17. С. 101–104.
6. Чернавский М.Н. Оренбургские епархии в прошлом и настоящем. Вып. 1. Оренбург, 1900. 612 с.
7. Очерки по истории Башкирской АССР / под ред. А.П. Смирнова. Уфа: Башгосиздат, 1956. 404 с.
8. Положение о школе для киргизских детей при Оренбургской пограничной комиссии с инструкциями для руководства // Васильев А.В. Исторический очерк русского образования в Тургайской области и современное его состояние. Оренбург, 1896. С. 3–16.
9. Васильев А.В. Исторический очерк русского образования в Тургайской области и современное его состояние. Оренбург, 1896. 112 с.
10. Тажибаев Т. Казахская школа при Оренбургской пограничной комиссии (1850–1869). Алма-Ата: Гос. изд-во Казахской ССР, 1961. 220 с.
11. Савицкая Г.В. Начальное народное образование на Южном Урале и в Северо-Западном Казахстане в 1850–1917 гг. Оренбург: ИПК ГОУ ОГУ, 2006. 315 с.
12. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 11. Оп. 6. Д. 12.
13. ГАОО. Ф. 11. Оп. 6. Д. 21.
14. Константинов Н.А., Медынский Е.Н., Шабая М.Ф. История педагогики. М.: Просвещение, 1982. 320 с.
15. Положение о начальном народном училище. 14 июля 1864 // ПСЗ РИ. Т. 39. Отд. II. № 40457.
16. Правила о мерах к образованию населяющих Россию иностранцев // ПСЗ РИ. Т. 41. Отд. I. № 48185.
17. Циркуляр по Оренбургскому учебному округу. 1875. № 1–2.
18. Оренбургский листок. 1876. № 42. Октябрь.
19. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. Вторая половина XIX в. М.: Просвещение, 1976. 450 с.
20. ГАОО. Ф. 173. Оп. 5. Д. 19555.
21. ГАОО. Ф. 173. Оп. 5. Д. 10560.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 17-18-01008), реализуемого в Оренбургском государственном педагогическом университете.

**RUSSIAN LANGUAGE AS A MEANS OF ACCULTURATION:
DEVELOPMENT OF RUSSIAN-FOREIGN SCHOOLS IN THE ORENBURG REGION
IN THE MIDDLE OF THE XIX CENTURY**

© 2018

Lyubichankovskiy Sergey Valentinovich, doctor of historical sciences, professor,
head of History of Russia Department
Orenburg State Pedagogical University (Orenburg, Russian Federation)

Abstract. The paper analyzes the main development trends of the so-called «Russian-foreign» schools in the Orenburg Region in the middle of the XIX century. The author shows that five primary Russian-Kyrgyz schools functioned in the Orenburg Region in the early 1860s. The Orenburg archive material drawn to the analysis showed that up to the introduction of the «Rules» of 1870 there was no well-thought-out policy and system for education in the foreign environment in the Russian Empire. The paper concludes that the administration of the region initiated the creation of schools for «foreigners» with a compulsory study of the Russian language long before these «Rules». This was a feature of the Orenburg Region, connected with its border and border position. It is proved that the educational institutions for «foreigners» that arose on the territory of the Orenburg Region were brought to life by the needs of the regional administration in translators and lower employees. The conclusion is made that the problem of counteracting «tatarization» (changing the identity of the Kazakh inhabitants of the Orenburg province to the Tatar one) was extremely important for the regional administration. In addition the border authorities needed Kazakhs who knew the Russian language because they were interested in establishing a stable communication with the inhabitants of the steppe. It is proved that in the Orenburg Region there has been a systematic, well-thought-out course for creating a system of «foreigners» training only since the 1870s.

Keywords: Orenburg Region; Russian Empire; Kazakh Steppe; Central Asia; acculturation; Russian language; foreigners; Russian-foreign schools; regional administration; Tatars; Ural; Volga Region; national policy.

УДК 94 (470) "1885/1917" : 371.4–058.12

Статья поступила в редакцию 01.10.2017

**ВЫРАЩИВАНИЕ РЕВОЛЮЦИОНЕРА: КОНЦЕПЦИЯ «СВОБОДНОГО ВОСПИТАНИЯ»
В ЭЛИТНЫХ ШКОЛАХ РОССИИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА**

© 2018

Веретенко Валентина Александровна, доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой истории России
*Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина
(г. Пушкин, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)*

Аннотация. В статье исследуется влияние педагогической концепции «свободного воспитания» на формирование мировоззрения подростков из дворянско-интеллигентских семей России конца XIX – начала XX в. Обращается внимание на то, что в полной мере данная педагогическая установка могла быть реализована лишь в элитных учебных заведениях. Делается вывод, что «новые идейные родители» и «передовые школы» осуществляли единый воспитательный подход, ориентированный на формирование особой интеллигентской оппозиционности, принимающей, а то и поддерживающей все средства в борьбе «граждан» за «свободу». Несмотря на то, что группа «новых идейных родителей» не могла составлять к началу XX в. действительно массового явления, она тем не менее распространяла свое влияние как на остальное образованное население страны, так и на министерство народного просвещения, которое в угоду передовой педагогике соглашалось на повсеместное внедрение отдельных идей «свободного воспитания» в средней школе. В результате целенаправленных усилий семьи и школы молодежь с ранней юности втягивалась в политическую деятельность, что становилось одним из существенных факторов революционизации российского общества.

Ключевые слова: Россия; начало XX века; дворянство; интеллигенция; «единство семьи и школы»; «свободное воспитание»; гражданское воспитание; подростки; элитные учебные заведения; педагоги; «новые идейные родители»; оппозиционность; революционизация.

В пореформенный период в дворянско-интеллигентской среде России появляется и постепенно занимает существенное место группа «новых идейных родителей», ставивших целью воспитание из своих детей свободных, гармоничных личностей, «людей и граждан»; формирование в каждом из них «внутреннего человека», способного к самостоятельному и сознательному принятию любых решений, нравственно, физически и умственно развитой персоны [1, с. 36–37]. Понимая, что доверить подобную миссию чужим людям невозможно, «новые идейные родители», как отцы, так и матери, считали необходимым

самостоятельно заниматься воспитанием своих детей, проводя с ними по несколько часов в день, руководя играми, ведя беседы, проверяя уроки и т.д. [2].

Вкладывая душу и силы в детей, такие родители с ужасом думали о том, как все их усилия будут «похоронены» в старой казенной школе, подвергавшейся неустанной критике «передовой общественности». Прежде всего государственные учреждения обвиняли в том, что они нравственно разлагает молодежь: «К сожалению, наша, особенно средняя школа, вследствие многих серьезных недостатков прививает крупные нравственные недостатки детям, как то: